

Анастасия Барышева, 20.04.2021

Это мой город: композитор Владимир Тарнопольский

О выгодном отличии либеральных и открытых москвичей от европейцев и о «духовном освоении» новой аристократией старинных особняков и целых районов.

Я родился...

В большом промышленном городе Днепропетровске на улице с выразительным названием Третья Чечеловка. Не спрашивайте, что это значит, сам не знаю, наслаждайтесь чистой сонорикой этого слова. Скажу только, что Четвертой Чечеловки, кажется, уже не было, моя была последней, так что про то, что «Четвертому не бывать», я усвоил с детства. Может быть, подсознательно я вспоминал именно название своей родной улицы, когда заканчивал свое сочинение «Чевенгур» на тексты Платонова тихим вскриком первого слога «Че!.. ».

Сейчас живу...

В Москве, в самом центре. «А из нашего окна башня мидова видна»!

Впервые оказался в Москве...

Очень поздно — в 17 лет я приехал на консультацию в Консерваторию, конкретно — к Эдисону Денисову, единственному композитору международного класса, преподававшему тогда в России. Правда, класс сочинения ему не давали, ограничились оркестровкой.

Гулять в Москве...

Просто так гуляю крайне редко. Если уж получается выйти куда-то бесцельно, то интересно исследовать для себя районы и архитектурные комплексы, наглядно демонстрирующие, как финансовый капитал и так называемый административный ресурс присваивают себе капитал символический наподобие революционной башни Татлина в качестве милой заколки на крыше супербуржуазного неосталинского дворца на Патриарших. Также любопытно, хотя и горько изучать, как «духовно осваиваются» новой аристократией старинные особняки и целые районы. В общем, «учу историю не по учебникам»!

Мой любимый район в Москве...

Могу назвать даже не район, а конкретное место — Большая Никитская, 13, Консерватория. Это мое самое любимое место на земле. По невероятному стечению обстоятельств я здесь и работаю.

Мой нелюбимый район в Москве...

Видимо, я мазохист, потому что наслаждаюсь осмыслением даже того, что очень не люблю.

В ресторанах...

Часто бываю в кафетериях, во время рабочих перерывов. В ресторанах же бываю крайне редко и исключительно с гостями. Чаще всего хожу в грузинский ресторан и ни за что не пойду в пафосный.

Место, в которое все время собираюсь, но никак не могу доехать...

Как у Венички Ерофеева, это Красная площадь.

Главное отличие москвичей от жителей других городов...

Вопреки всем ветрам москвичи в основном очень либеральные, открытые, интересующиеся всем на свете люди. В отличие от многих европейцев они не боятся бурлящей жизни и с удовольствием в нее «ныряют». Особенно замечательна молодежь, сумевшая в не самых благоприятных условиях вырастить очень развитую молодежную субкультуру.

В Москве лучше, чем в Нью-Йорке, Берлине, Париже, Лондоне...

Считаю, что у молодежного арт-сообщества в Москве больше шансов, чем во всех перечисленных городах. Только, разумеется, речь идет не о материальном благополучии.

В Москве за последнее десятилетие изменилось...

Сам город стал намного более ухоженным, удобным, с умно распланированной транспортной сеткой. И, конечно, объединение многих бюрократических структур в одном окне «Мои документы» — это замечательный проект. В сфере обслуживания сложился совершенно новый для России этикет. Ханжески использовавшийся в советское время лозунг «Ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого, как вежливость» сегодня обрел реальный смысл. В московском кафе вас обслужат гораздо лучше, чем, скажем, в парижском.

Хочу изменить в Москве...

Считаю возмутительным то, как силовые службы «охраняют» своих сограждан, на деньги которых они вообще-то существуют. Вроде бы Гражданская война закончилась сто лет назад, потом еще несколько десятилетий «доотстреливали» оставшихся подозрительных. Что случилось в результате с кибернетикой и генетикой, все знают. Но грабли так никто и не убрал.

Мне не хватает в Москве...

К сожалению, современная серьезная музыка (музыкальный авангард) все еще непропорционально мало представлена в культурной карте Москвы и остается *Terra incognita* для большей части интеллигенции. Если театральные или выставочные проекты регулярно получают государственную и частную поддержку, то современная музыка остается просто нищей сиротой.

Концерт 3 июня...

В Рахманиновском зале Консерватории состоится уникальное событие — мировая и, к сожалению, посмертная премьера Второй камерной симфонии выдающегося композитора Николая Каретникова (1930–1994). Его огромный талант был замечен уже в юности, когда сочинения 20-летнего композитора вошли в репертуар Большого театра. Но Каретников очень скоро полностью был дистанцирован и дистанцировался сам от любых контактов с официозом, а также от какого-либо заигрывания с публикой. Всю оставшуюся жизнь он посвятил развитию идей додекафонии (строгой 12-тоновой композиции) и до последних дней шел своим очень трудным путем истинного музыкального праведника. В СССР эта музыка не пропусклась цензурой, а в постсоветской России оказалась мало востребованной новой, склонной к развлекательности публикой периода первоначального накопления капитала. Вторая симфония продолжает линию развития идей родоначальника додекафонии и создателя самого жанра камерной симфонии Арнольда Шенберга (1906), сочинение которого тоже будет исполнено в программе. И, наконец, на концерте прозвучит еще одна камерная симфония — современного американского *star*-композитора Джона Адамса, которая при совершенно другой стилистике тоже отсылает нас к Шенбергу. Программу представит лидирующий российский коллектив современной музыки — ансамбль «Студия новой музыки», выступающий на самых громких мировых концертных площадках, от Берлинской филармонии и парижского Cite de la musique до экспериментальных площадок звуковых лабораторий Гарварда и Оксфорда. Дирижер Сергей Акимов.

Фото: Олимпия Орлова

[Оригинал материала](#)